

С. Н. ВАЛК
(1887—1975)

Студенты исторического факультета Ленинградского университета в первые послевоенные годы еще застали там большую группу представителей старой академической науки, имена которых шло воню по все учебники истории. Время от времени читал короткие курсы по внешнеполитической истории Евгений Викторович Тарле, тогда уже перебранный в Москву. Его лекции посещались, как то было и в дореволюционное время, широкой городской интеллигентной публикой. Николай Павлович Полевика, человек блестящей эрудиции, но во многих вопросах оппонент Тарле, постоянно работал на исфаке, читая курсы международных оппонентий и ведя семинарские занятия. Историко-Древнего Востока — курсы, обязательный для всех истфакистцев, — вел академик Евгений Васильевич Струве. А на кафедре истории СССР (так называлась тогда нынешняя кафедра отечественной истории) еще появлялась неизменно обрамлявшая на себя внимание необычайная фигура старца аристократа (хотя он был вовсе не так стар, но о нем непременно хотелось сказать «старец») Бориса Александровича Романова, даже и одевшегося как-то «вызывающе» — в пальто-доху и шапку-«боярку», что было совершенно не принято. Он вел семинары по древней истории России. Рядом с ним, но занимаясь преимущественно XIX в. истории России, работал и его университетский товарищ — Сигизмунд Натаинович Валк, поразительно внешне на Бориса Александровича не похожий, но несший на себе печать того же «серебряного века» российской культуры и науки. Незыбкого роста, одетый всегда в темный костюм и мальчижковые башмаки, с потрепанным школьным портфелем, вечно забываемым в аудиториях, почти никогда не снимаемым пенсне (следствие близорукости), кроме как при чтении рукописей, — он как бы был выходцем из другого мира, гораздо менее шумного и безалаберного. Обычной была картина: шумная ватага студентов валом валит в узкие двери здания, где помещался истфак и еще несколько факультетов, не обращая внимания на стоящую сдержанно в стороне фигурку, ожидавшую, когда можно будет войти не толкаясь. Он был необычайно учтив и застенчив. Может быть, это и заставляло его ходить по длинным университетским коридорам по стеночке, чтобы не помешать другим.

Причем, оказавшаяся, что была давняя его манера. Б. А. Романов оставил — в связи с одним из юбилеев — очень живое описание внешности и походки С. Н. Вайка — студента, передвигающегося по знаменитому университетскому коридору: «Слегка, как бы укоренившись покачивая головкой с непослушным еще тогда хохолком, медленно, задержанно-медленно движется <...> фигурка».

С. Н. в последние десятилетия неизменно привлекал к себе внимание всюду — в университете, архиве, библиотеке, филармонии, заведующим которой он был и по истории которой (концертной деятельности) мог бы по памяти написать сочинение, и даже в трамвае. В транспорте публика, пометрев на него, обычно пыталась уступить ему место. Очевидно, срабатывало чувство уважения к необычному, потому что он никогда, до последних дней своей долгой жизни (умер он в 86 лет) не выглядел немощным и дряхлым. Но, будучи человеком крайне стеснительным и деликатным, в ответ на предложение присесть он тут же устремлялся в другой конец вагона, где снова кто-нибудь из «петербуржцев» пытался устроить его поудобнее. С трудом удавалось его удержать, чтобы он не выпрыгнул из трамвая. В транспорте он не сидел никогда, считая, что все другие имеют на то больше прав. Это особенно трогательно в наше время, когда нет категории граждан, считающих, что они вследствие каких-либо особенностей — возрастных, служебных, профессиональных, семейных — не имеют каких-то особых прав. Страна, где у каждого (!) особые права. С. Н. никогда не помнил ни о каких своих правах, впрочем, как и об обязанностях, которых у него было множество, — он только их исправно выполнял.

Среди университетской профессуры было немало людей представительных, негорюпых, вальяжных, держащихся значительно. С. Н. был им прямой противоположностью. А между тем под этой

поразительно скромной и подчеркнуто неприязнительной внешностью скрывалась личность необыкновенная: энциклопедически образованный ученый, знаток искусства и коллекционер, меломан, преемственный Учитель и поразительно благородный человек, человек естественного, повседневного и какого-то обиденного благородства.

Некоторым окружающим он даже казался биологическим чудом. У него была феноменальная память, а с ней вместе и академический кругозор. Когда ему было уже за 80, он, чтобы понять статью, предназначенную для сборника, где был ответственным редактором, начинал постигать математические методы в историческом исследовании. Будучи погружен ежедневно в сложнейшие проблемы (а он занимался с одинаковым успехом и XI, и XX в.), С. Н. был самым любознательным и погруженным в день сегодняшний современником. Невероятно, но он ежедневно ездил — в последние годы из своего дачка — в центр, к гостинице «Европейская», где находился глянцевый киоск с максимально полным набором, как он считал, зарубежной периодики, и покупал полтора десятка изданий: на английском, немецком, французском, итальянском, польском языках и некоторые югославские газеты (а потом еще и пересказывал содержание статей). Лучшее любого политического обозревателя он знал положение в мире и в стране, ибо читал в этой периодике статьи о России, дававшие нередко более полные сведения об СССР, чем советские. И все это при множестве газет и журналов, которые приходили по обычной подписке.

С. Н. получил блестящее образование. А между тем ни его детство, ни его юность этого вовсе не предвещали. По сути это был человек, который, что называется, «сам себя сделал».

Родился он в декабре 1887 г. в Вильно, губернском городе, входившем тогда в группу так называемых северо-западных губерний. Отец его был фармацевтом. Семья Ванков была довольно большая по обычаям того времени: в ней было четверо детей, но братьев у С. Н. не было, он был единственный мальчик в семье и потому, согласно традиции, должен был унаследовать отцовское «дело». Вскоре после его рождения семья переехала в Лодзь, небольшой промышленный город Петроковской губ. бывшего Царства Польского (российская часть расчлененной Польши), а в 80-е годы, при осуществлении идеи ассимиляции окраин, ставшего Привислянскими губерниями. В Лодзи у родителей С. Н. была аптека, где он подростком помогал отцу. Конец XIX — начало XX в. — время для жителей окраинных областей, а тем более выходцев из еврейских семей крайне неблагоприятное. Остатки автономии окраин ликвидировались, разорвавшаяся было черта оседлости и процентная норма образования восстановлены. Одинадцатилетним, в 1898 г., С. Н. поступил в местную казенную мужскую гимназию, где успешно проучился до революции 1905—1906 гг.

Взрыв недовольства российского общества политикой самодержавия, принявший с начала 1905 г. размах событий революционных, воспламенил национальное и оппозиционное движение на национальных окраинах, всегда тлевшее. Польша, с первых дней присоединения к России начавшая борьбу за независимое государство, в это время шла в числе первых по накалу движения за свободу. В революции принимали участие и старшие гимназисты, среди ко-

торых был также С. Н. Он оказался в числе молодых людей, «сочувствующих деятельности Польской социалистической партии», как говорилось в политическом досье С. Н., составленном в Петроковском губернском жандармском управлении, и накануне выпуска С. Н. был из гимназии исключен. Чтобы завершить среднее образование, ему пришлось отыскивать частную гимназию, уравненную в правах с казенной, то есть дающую равноценный аттестат об окончании. Такой гимназией для него оказалась гимназия Шеймана в гор. Новая Александрия Люблинской губ. Отъезд в 1906 г. в эту гимназию оказался для него и отъездом (навсегда!) из родного дома.

Упорное стремление к завершению среднего образования и непременно получению аттестата означало, что С. Н. намерен учиться дальше. Гимназию он окончил с серебряной медалью, что стимулировало дальнейшую учебу, и сразу после выпуска из гимназии отправился в Петербург. С. Н. колебался в выборе специальности: отцовское дело, некоторое знакомство с фармакопеей тянуло его к затаятым химическим наукам, интерес к прошлому влек к профессиональным занятиям историей. В итоге он выбрал историко-филологический (тогда эти две отрасли науки были объединены) факультет Петербургского университета, куда успешно поступил в 1907 г.

С. Н. считал время своего обучения в университете счастливым временем для университетской науки, ибо революционное наследие (ум, только оно!) вырвало у самодержавия множество уступок, и том числе и в сфере университетского образования. Университеты получили многие права автономии; немедленно состав университетских преподавателей пополнился талантливыми молодыми учеными. Счастливым оказалось это время и для С. Н. Не часто встречается человек, который бы с таким уважением и любовью относился к *alma mater*, ко всему, что с ней связано: к учителям, товарищам, заветам товарищества и заветам научным. Много одаренных людей учило и воспитывало тогдашних петербургских студентов-историков, но когда нужно было назвать учителей, С. Н. назвал четыре имени: А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков, И. М. Гресс и В. И. Семеновский.

А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919) был для С. Н. не просто преподавателем, но Учителем, ставшим для него и научным, и нравственным эталоном. Правда, обрел С. Н. своего Учителя не сразу, а накануне полного разочарования в родном факультете, которому потом служил всю жизнь, и в исторической науке. Занятия (лекции и просеминары), которые он посещал на первом и втором курсах, показались ему очень далекими от именившего у него, провинциального гимназиста, представления о сложности, строгости, возвышенности научного процесса. Он даже хотел оставить историю. И вдруг он попадает на занятия А. С. Лаппо-Данилевского, который вел семинар по дипломатике частного акта, изучающей его структуру, изменение частей, подлинность, тип и т. п. И здесь, на семинарии А. С. Лаппо-Данилевского, для С. Н. происходит чудо: полное совмещение его представлений (и мечтаний!) о научном процессе и реальной практике. И С. Н. сразу и навсегда сделал выбор. Объяснить этот выбор не легко, и трудно. В поистине блистательном профессорском корпусе (а в Петербургском университете тогда читали

и крупнейший египтолог, основатель русской египтологии Б. А. Тураев, и экономист М. И. Туган-Барановский, лекции которого собирали полный актовый зал, и красноярский знаток европейской истории Е. В. Тарле, и др.) А. С. ничего не прощивал. Больше того, это была звезда первой величины.

Выпускник того же Петербургского университета, человек, прошедший знаменитое студенческое Научно-литературное общество 1880-х гг., откуда вышли все основатели кадетской партии, крутые ученые, А. С. занимался преимущественно российским средневековьем, но занимался очень широко и разнообразно и в хронологическом, и в проблемном смысле. Он одним из первых занялся экономической историей этого времени, отойдя от традиционного правоведческого направления. Однако в этом состояла только часть его научных интересов. А. С. считал, что научным построениям должно предшествовать тщательнейшее исследование источников (в значительной мере это была традиция имения петербургской школы), чему может и должна способствовать их научная публикация и источноведческий анализ. Иначе говоря, его привлекали и вопросы методик, а вслед за методикой и методологией. Кстати, методология тогда входила в университетский курс в качестве обязательной дисциплины. А научной публикации источника предшествовало его полное изучение в просеминарах. Сочетание преподавательской и исследовательской работы А. С. считал обязательным. Работал А. С. не только на высочайшем отечественном уровне, но понемногу на трепе мировой исторической науки, во многом опережая свое время. И это хорошо понимали его коллеги, когда выбрали его, 36-летнего, по нашим представлениям человека начинающего, действительным членом Императорской Академии наук. Все эти обстоятельства как бы объясняют легкость для С. Н. набора. Однако были и такие моменты, которые набор А. С. в качестве научного руководителя сильно затрудняли, и С. Н. нужно было сквозь некую преграду суметь их рассмотреть. Во-первых, и это существенно, А. С. был человеком довольно сдержанным и сухим, закрытым, так что первые шаги навстречу были этой сухостью затруднены. Второе, и, может быть, главное, — он никогда не спускался с высоты собственных знаний на студенческий уровень, облегчая начинающим, делающим первые шаги, задачу. Он всегда преподавал (читал, спрашивал, объяснял, строил семинарий) на уровне своих знаний. Для того чтобы понимать его лекции, не сидеть, а участвовать в работе семинария, нужны были большое напряжение, постоянная подготовка, и многих эта «непонятность», разумеется, оттолкнула. Но что оставшееся в его семинарии оказывалось как бы прошедшими особый научный тест, подбирались по каким-то общим качествам. С. Н., застенчивый и одинокий в сначала чужом для него Петербурге, как бы попал к «своим». «Счастлиное сознание удачной семьи партию в небольшом семинарском кружке», — писал отцу С. Н. о семинарии А. С. Лаппа-Давыдовского. Он же отметил, что это ощущение «семьи», общности дела постепенно переросло в отчетливое понимание существа этого единства. Было произнесено слово — «школа». Это была Научная школа в классическом (по-видимому, от платоновской еще древнегреческой Академии) ее понимании.

Добавим, что в те времена было принято (и профессора имели такую возможность!) непременно устраивать «журфиксы» — определенные дни, когда профессорская квартира была открыта для студентов. И такое гораздо более свободное, непринужденное общение было еще одной формой воспитания ученых в этот поистине «серебряный век».

А. С. стал для С. Н. образцом, в котором он до последних дней своих не усомнился. Заметим еще, что А. С. был человеком сутово ученым, не склонным вмешиваться в политическую деятельность, но еще и гражданином, что не позволило ему уклониться от участия в работе Государственного совета, ставшего верхней палатой российского парламента, когда он был избран туда от Академии наук. В семинарии Ланго-Данилевского С. Н. стал специализироваться в российском средневековье как основном направлении научных интересов. В семинарии он занимался не только все оставшиеся годы пребывания в университете, но и после выпуска не оторвался от этих занятий, продолжая участвовать в осуществлении замыслов, когда-то сформировавшихся в процессе занятий дипломатикой частного акта. Можно сказать, что всю свою долгу жизнь он помнил о заветах и замыслах Учителя и товарищей по семинару и пытался их реализовать.

Меньшим, разумеется, было влияние других его университетских и неуниверситетских преподавателей, курсы которых (специальные!) он прослушал. Это были и знаток российского средневековья А. Е. Пресняков, и исследователь средневековья европейского И. М. Грессе.

Иван Михайлович Грессе (1860—1940) — создатель петербургской школы историков средних веков, хотя главное его исследование посвящено землевладению в древнем Риме. Это был человек очень широких не только научных, но и общественных интересов, в университетском образовании — один из пионеров семинарских занятий, которые С. Н. Васьк, ценявший их более всего, довел до большого совершенства, положив в их основу работу самих студентов над историческими источниками. Затем И. М. Грессе широко применял для преподавания и просветительские цели экскурсии, став после революции одним из теоретиков краеведения. Еще в 80-х годах вместе с молодыми универсантами братьями С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургскими, В. И. Вернадским, Д. И. Шадовским Грессе вошел в кружок чисто гуманистического характера, члены которого ставили своей целью совместные поиски научного и общественного идеала. Научные интересы, просветительские планы и предирития характеризовали это, по словам Грессе, «дружеское братство», основанное на либеральной «идее мирной борьбы за реформы». Оно получило название «приютянского», т. к. члены его мечтали о том, чтобы иметь общий «приют».

Един влияние на С. Н., оказанное Грессом, можно считать в большей мере общеправственным, чем специально научным, то относительно А. Е. Преснякова дело обстоит, вероятно, иначе. Но и А. Е. Пресняков (1870—1928) был не только учителем С. Н., он оказывал на него влияние всем характером своего творчества. Сначала это был выраженный интерес к общим вопросам истории и социологии, который А. Е. разделял со своим секретарем

Н. П. Павловым-Сильванским, а затем, после революции, — переход к изучению русской истории нового времени, истекший в моральном и профессиональном отношении для исследователей старой школы, редко выходявших за пределы истории феодального периода. Его книги об Александре I, Николае I и 14 декабря 1825 г. были важными событиями в историографии 1920-х гг.

А. Е. Пресняков, много сделавший для изучения истории летописания (главная заслуга в этом принадлежит А. А. Шахматову), читал лекционный курс русской истории и был автором монографий «Княжеское право в древней Руси» и «Образование Великодержавного государства». Он причислял себя к петербургской исторической школе В. Г. Васильевского и связанной с ней школе С. Ф. Платонова. К особенностям их исследовательского метода он относил «научный реализм», видя его, прежде всего, «в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от исторической традиции». При всей условности закрепления этих свойств за петербургской исторической школой А. Е. Пресняков считал возможным противопоставлять ее московской школе С. М. Соловьева — В. О. Ключевского, которой был, по его мнению, присущ «теоретический подход».

Как бы то ни было, и у С. Н. критическое изучение источника стало основой его творческого метода, делом всей жизни. Среди тех, кто разрабатывал исследовательский инструментарий для историков России и других входивших в СССР республик, С. Н. стоял в первом ряду.

Большое влияние на формирование С. Н. как ученого и человека оказал и Василий Иванович Семевский (1848—1916), хотя он и не был его утвердившим учителем, — человек замечательный. В отличие от своего старшего брата Михаила, крупного петербургского чиновника, знакомого со всей петербургской бюрократической верховкой и вхожего в самые известные дворцы, издателя самого читаемого популярного исторического журнала «Русская старина», В. И. не сделал никакой князьей карьеры, но зато был известнейшей личностью в общественных и ученых кругах. «Это был человек, которого нельзя было не уважать за стойкость убеждений и за нравственный ригоризм его общественного поведения», — отзывался о нем его коллега Н. И. Кареев. Выпускник историко-филологического факультета, который он окончил в 1872 г., В. И. впитал демократические народнические идеи, но не радикальные, которые могли толкнуть на путь террористических действий, а общедемократические, и в частности идею долга интеллигенции перед народом, идею просвещения общества. Народническое влияние несомненно сказалось и на выборе им проблематики его научных исследований. Одним из первых он поставил задачу изучения истории народа, его трудящихся сословий и тут же начал осуществлять эту задачу. Ему принадлежат исследования по истории крестьянства и рабочих. Этой проблематикой он усиленно занимался до революции 1905 г., создавая новые возможности для исследователей. Официальная наука позволила ему вести педагогическую работу только на первых порах: в 1882—1886 гг. он преподавал в Петербургском университете (кстати, не принявшем к защите его магистерскую диссертацию о крестьянах) и Александровском лицее, после чего был уволен по

распоряжительно Министерства народного просвещения, в царствование Александра III особенно усиленно игнорирующего ит университетов и образования вообще дух независимости. С тех пор В. И. занимался только исследовательской работой, стал центром внеуниверситетского кружка историков и занимаясь со студентами на дому. Революционные события 1905—1907 гг. обеспечили российскому обществу некий минимум гражданских свобод, и в частности дали историкам возможность заниматься историей освободительного движения. С этого времени В. И. принялся за исследование движения декабристов, истраивцев. В 1913 г. он основал (вместе с С. Н. Мельгуновым) исторический журнал «Голос минувшего», одним из первых занялся изучением взглядов и проектов М. М. Сперанского и выдвигал не осуществленный по тем бурным временам проект издания его бумаг. Кроме того, В. И. всегда был в среде участников самых благородных общественных начинаний, это был для него гражданский долг. Поэтому он оказался и в числе той депутации российской интеллигенции, которая отправилась к С. Ю. Витте накануне 9 января с целью отвести кровопролитие.

С. Н., который много занимался индивидуально, бессомненно, был знаком с работами В. И. Личное же знакомство, очевидно, состоялось в январе 1912 г., когда А. С. Лаппо-Данилевский обратился к В. И. с рекомендательной запиской, прося дать С. Н. работу (тогда был еще студентом) и характеризуя его как «уже три года серьезно занимающегося» в его семинарии. Одной из своих общественных обязанностей В. И. считал помощь студентству, и особенно тем, кто был наказан за участие в студенческих волнениях (а С. Н. был их участником и на год отчислен из университета), и потому С. Н. была предложена работа в энциклопедических словарях Брокгауза—Ефрона и братьев Гранат. В первом С. Н. помещал статьи по средневековой истории России, а во втором, кроме авторства, работал еще и заведующим отделом российской истории. Поскольку В. И. вел занятия со студентами на дому, возможно, что С. Н. посещал и их.

Когда же начал выходить журнал «Голос минувшего», С. Н. получил возможность печататься на его страницах. Первые его научные публикации появились именно в этом журнале.

Трудно проследить нравственное влияние В. И. на С. Н., но довольно легко проследить влияние научное. В послевоенные годы, будучи профессором Ленинградского университета, С. Н. вел свой собственный семинар по проблематике В. И. Семевского — это было «крестьянское и рабочее движение». Конечно, вообще проблематика работ, исполняемых его студентами и аспирантами, была несравненно шире, но официальная тема его семинара была именно такова, так же как и его собственные публикации по истории крестьянской реформы и крестьянского движения. И кроме того, как редакционную посылочку принял он из рук В. И. работу по изданию бумаг Сперанского. Как только представилась возможность, он организовал работу по научной публикации, комментированию и изучению проектов М. М. Сперанского, сам выступив не одижды с археографическими статьями о них.

Пользуясь существовавшим тогда правом свободного посещения лекций, С. Н. много занимался в библиотеках, в том числе и уни-

верситетской, об обычаях работы которой потом рассказывал: в библиотеке тебя (студента) встречал служитель, который пускал в хранилище, где студент у полок смотрел и отбирал книги, которые потом, без всякой записи, пачкой увозил для занятий дома. «Из ничего не пропадало», — с гордостью и удивлением рассказывал он, улыбаясь и как бы видя далекие (и любимые!) студенческие годы сквозь прожитые десятилетия.

Как уже говорилось, он начал профессиональную работу еще в студенческие годы с помощью Учителя и В. И. Семеновского, и потому довольно органично перешел от университетских занятий к уже настоящей службе. Работа в энциклопедических словарях, служба в редакторском аппарате Гранат, помещение коротких рецензий в «Голосе минувшего» были как бы продолжением его научной подготовки, когда он пробовал себя в разных жанрах. А в 1914 г. наметилась для него иная и самое желанное, очевидно, поприще. Обнаружилась возможность академического издания грамот Коллегии экономии, и А. С. Ляпунов-Данилевский, руководитель издания, именно С. Н. приглашает туда в качестве составителя. С. Н. даже уволился из словаря Гранат и должен был сосредоточиться именно на этой строгой научной «академической» работе, не оставшая, разумеется, всякого рода побочных занятий в виде статей справочного характера, рецензий и т. п., оттачивающих перо начинающего историка. Справедливости ради скажем, что у С. Н. как автора как-то не было ученического периода. Уже первые его статьи отмечены широтой взглядов, основательностью знаний и хорошим проципным слогом, научной бескомпромиссностью.

Однако спокойное течение жизни было прервано мировой войной. Какое-то время работа еще продолжается: российское самодержавие сильно не любило интеллигенцию и рассматривало ее как своего идейного противника, однако понимало ее ценность и потому не сразу призывало ее в армейские ряды. Только в 1915 г. С. Н. был призван в армию, попал в один из действующих полков, но заболел и был переведен в относительно спокойное место, в один из элитных батальонов. С. Н. был поразительно интеллигентным человеком, с неважным здоровьем, и пребывание в армии оказалось для него мучительным. Освободила его от солдатской службы... Октябрьская революция, и освободила не стихийно, как многих дезертировавших, а именно как интеллигента, человека, имеющего «учительское звание». Новая власть начала с защиты школы. Со справкой о демобилизации С. Н. появился в начале 1918 г. в Петербурге, и перед ним в это голодное и опасное время встала проблема заработка.

Как уже было сказано, в первые послереволюционные годы переход историков к тематике недавно минувших времен был связан с необходимостью преодоления ряда устойчивых представлений и обычаев в профессиональной среде. Так, «профессорская» историография, отличавшаяся по преимуществу к древним историческим периодам, и авторы, писавшие о временах более поздних, жившие «на вольных хлебах» и группировавшиеся вокруг историко-публицистических журналов, — В. Я. Богучарский, М. К. Лемке, П. Е. Щеголев и др., — и раньше существовали как бы порознь. Теперь игнорировавшиеся для свергнутого режима темы казались многим универсамтам

особенно неприкосновенными по соображениям политическим: их постановка и исследование представлялись не только отвечающими интересам советской власти, примирение с которой неслетко давалось, но и вероломством по отношению к старому режиму, и без того превращенному тогдашней пропагандой в уродливого монстра.

Среди этих новых тем на первом месте стояла тема историко-революционная. Она имела интерес у советской читательской публики и подвигалась вниманием идеологического руководства. Именно это вызвало особенно осторожное к ней отношение со стороны историков академической школы. Однако группа молодых историков старого профессионального заката так не считала. Они увидели в этой теме предмет для серьезных исследовательских занятий и оказали своими работами серьезное влияние на освещение истории революционного движения первым поколением историков большевистской партии и освободительного движения, а также публицистами.

В научном наследии этой группы, к которой относились А. А. Шинков, С. Н. Чернов, Б. А. Романов и Петроград¹, Б. П. Козьмин в Москве, работы С. Н. оказались одним из самых заметных явлений. Едва ли не главную роль в переходе молодых историков-профессионалов «от антика к модерну» (выражение Б. А. Романова) сыграло открытие архивов царского времени. С. Н. оказался в составе сотрудников созданного в середине 1918 г. Петроградского историко-революционного архива — вместе с А. А. Шинковым, подвигами впоследствии историками Ш. М. Лениным, Н. Л. Сергиевским и др. Здесь же работая известный еще в дореволюционное время П. Е. Щеголев, развивший теперь большую активность не только литературно-публицистического, но и издательско-предпринимательского характера. В воспоминаниях Б. А. Романова находим рассказ о том духовном раскрепощении, которое означало для С. Н. перемены в жизни страны и в его собственной деятельности. «1918-й год. Место действия — Главархив. Еще точнее — 2-й этаж левого крыла б. Сената. Укаяя комната в odio окно лицом на Красную улицу. Это Историко-революционный архив с богатейшим фондом Департамента полиции, а комната эта — резиденция нашего Сизигмунда Натановича, — вспоминал Б. А. Романов в шестидесятилетие С. Н. — Он поистине неузнаваем. Свободная поза, раскованная жестикуляция, легкая подвижность всей фигуры, благостная приветливость и никакой складки на лице. Раз как-то я пришел к нему, смотрю — папироса в руках (держит неумело). — «Вы курите?» — «А вот и курю» (с задором). А какой разговорчивый, даже словоохотливый, почти совсем как сейчас. Я бы сказала — полное преобразование. Это сделала с ним революция. Никакая фортуна, кроме самой фортуны, не могла бы придумать ничего лучше на том этапе для Сизигмунда Натановича, как поса-

¹ Вместе с Б. А. Романовым и С. Н. Черновым С. Н. входил в дружеский кружок, собиравшийся еженедельно у кого-либо из его женов. К нему примыкал и Г. В. Вернадский, ставший позже одним из основателей школы историков-русистов в США. Сыгравшая там такую же роль М. М. Карпович был в родстве с А. П. Пресмыжновым.

леть его в Историко-революционный архив с его богатейшим материалом и с интереснейшим людским окружением. Несомненно, это был давний предмет его интересов. Но это обстоятельство дало Ситимунду Натановичу широкую возможность применения навыков своей источниковедческой школы к совершенно неожиданным для той школы материалам, завлекательные перспективы творческого развития своей осторожной методичности в рамках советской исторической науки. И здесь Ситимунд Натанович понетине оказался в своем репертуаре — сам себе школой».

В структуру Историко-революционного архива вошли составившие его ядро фонды III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (до 1881 г.) и Департамента полиции (1881—1917 гг.). Наряду с делопроизводственными материалами в архиве оказались тысячи нелегальных изданий, вышедших в свет как за границей, так и в России. С. Н. принял участие в создании принципов научного описания как тех, так и других.

Для того чтобы выработать приемы описания архивных фондов, надо было установить особенности полицейского делопроизводства и основы хотя бы в основных чертах содержание документации. (С. Н. рассказывал, что нашел документы о слежке за ним самим во время учебы в Вильно, в них он числился участником тех кружков учащейся молодежи, к которым не имел никакого отношения, но ни один посещавшийся им кружок не был «за ним» записан.)

Уже в 1920 г. С. Н. выступает на первой конференции архивных деятелей в Петрограде с докладом об архивных обзорах, в котором были подведены итоги работы по составлению инструкции для описания архивных фондов и документов.

Одновременно С. Н. разрабатывает методику научно-библиографического описания нелегальных изданий (прокламаций, брошюр и целых книг, газет и журналов). Это было дело особенно новое и сложное. Во-первых, описания эти предназначались к опубликованию и в сущности представляли собой не только первый, но весьма важный шаг в изучении широкого круга значительнейших по содержанию источников по новой истории России.

Во-вторых, во всех без исключения случаях авторство, место и время опубликования подлежали установлению либо проверке. В некоторых из этих изданий, например в прокламациях, эти сведения отсутствовали по особенностям жанра, в других, осуществленных в подполье или за границей, могли быть нетрепетливо и, наоборот, умышленно искажены. Сначала под редакцией С. Н. и А. А. Шилова в 1924 г. появилось библиографическое описание первомайских прокламаций, а в 1935 г. под редакцией С. Н. и Б. П. Коглыгина вышел в свет первый выпуск библиографического указателя русской подпольной и зарубежной печати, охватывавший донародопольческий период 1831—1879 гг.

Вслед за изданием библиографических описаний и установлением общих принципов обработки архивного материала, которые строились на основе строго научного подхода к источникам, вставал вопрос об их публикации и тех основаниях, на которых она должна производиться. В 1925 г. С. Н. выступает в журнале «Архивное дело» со статьей «О приемах издания историко-революционных документов». В ней, как и в нескольких других работах, С. Н.,

применил к новому для академической науки материалу ее традиции в археографической подготовке и издании источников, сформулировал те основы, которые послужили не только руководством для публикации источников, но и открыли пути их исследовательского изучения. Не случайно статье «О приемах издания историко-революционных документов» предшествовала рецензия на «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики», обобщавшая археографический опыт А. С. Ляно-Данилевского.

Сам С. Н. приступил к детальному исследованию истории революционного движения. То было время расцвета этой отрасли исторических знаний. Сразу несколько различных организаций общественного характера приступили к активному изучению истории революционных партий и массового движения. В качестве учреждений внутрипартийного типа действовали истпарты, которые, как и общество старых большевиков, уделяли преимущественное внимание истории ВКП(б). Однако общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев имело сферой своих интересов историко-революционную тематику в целом, в течение 20-х годов оно добилося значительных успехов в издании воспоминаний народников и других материалов народнического движения. Здесь значительная роль принадлежала ветеранам-народникам В. Н. Фингер, Н. А. Морозову, Л. Г. Дегичу и др., а также издававшегося обществом журналу «Каторга и ссылка». Довольно скоро образовалась система сосредоточения или даже монополизации изучения истории ВКП(б) в истпартах. Партийные исторические журналы «Пролетарская революция», «Проблемы марксизма», «Историк-марксист» тем не менее печатали иногда материалы, выходявшие за строгие рамки истории большевизма. Издававшаяся в Ленинграде «Красная летопись», возглавлявшаяся старой большевичкой, учительницей рабочих воскресных школ 1890-х гг. П. Ф. Куделин, практиковала это чаще других. Большой широтой отличалась и тематика «Красного архива». Во всех этих журналах, а также в «Архивном деле» на всем протяжении 20-х и 30-х годов появлялись документальные публикации, статьи и сообщения С. Н., которые способствовали созданию истории «Народной воли», рабочего движения на различных этапах, правительственной политики и полицейской провокации. Совершенно исключительное значение имел сборник документов «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“», вышедший в 1932 г. под его редакцией и с его предисловием.

Материал, опубликованный С. Н. по истории «Народной воли», вместе с другими источниками лег в основу очерка о ней, задуманного в 1927 г. в качестве одного из разделов коллективного труда по истории революционного движения, в котором должны были участвовать также Ш. М. Левин, Н. Л. Сергиевский, А. А. Шелов и др. Но замысел такого труда остался несуществующим, как не состоялось и отдельное издание очерка С. Н., хотя он был завершён и о предстоящем выходе его было объявлено.

Дело было в «антинародническом» настроении правящих «верхов», которое нашло свое яркое отражение в дискуссиях 1929—1931 гг. о «Народной воле» в связи с ее пятидесятилетием. А известное письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. привело к строгостям в ведении не только этого

журнала, но и всех прочих. Было ясно дано знать, что любой шаг историка в сколько-нибудь важном методологически направлении может быть сделан лишь по директивному указанию. Монографическое исследование глобальных проблем истории революционного движения с объективных, строго научных позиций становится невозможным. А С. Н. в сущности приступил было к этому. Помимо обобщающей работы о «Народной воле», он написал пространный очерк о революционном движении в Петербурге с 1860-х гг. до начала первой мировой войны, включенный в путеводитель по Ленинграду. В отличие от монографии о «Народной воле», путеводитель в 1934 г. вышел в свет, но был сейчас же изъят, попал в спецхран, и С. Н. избегал даже упоминать об этом очерке в списке своих работ.²

Между тем оказавшийся забытым очерк до сих пор не потерял своей полезности как принадлежащий автору, который ввел и оборот значительную часть всего известного тогда историко-революционного материала и едва ли не лучше всех владел этим материалом в целом. С. Н. не только использовал здесь свои конкретно-исторические работы и документальные публикации, но и замечательно тонко детализировал изложение и иллюстрировал его яркими фактами, фрагментами документов и образными выражениями. С неизменно присущей ему научной и этической скрупулезностью, постоянным вниманием к результатам исследований коллег С. Н. дал в своей работе синтетическое изложение истории революционного движения не только в Петербурге, но и во всей стране.

Важные историко-революционные сюжеты были представлены в работе С. Н. во всей их сложности. Так, применительно к истории «Народной воли» С. Н. видел в терроре этап развития народничества, причем развития в сторону большей зрелости, переход к непосредственной политической борьбе с правительством. Такая оценка, при том что она не проигнорировала осуждения террора с позиций правых, была обречена после убийства С. М. Кирова Сталин осудит народнический террор как бы по соображениям безопасности. «Если мы на народниках будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов», — заявил он. Лишь в 1960-х гг. в советской литературе снова прозвучала мысль о том, что переход народников к политической борьбе был шагом вперед.

С большой яркостью описал С. Н. теоретические истоки экономизма, он сделал это с помощью анализа содержания экономических изданий — «Рабочей мысли» и «Рабочего имени». В таком сложном явлении истории большевизма, как диктаторство, С. Н. видел возрождение после первой российской революции экономического credo. Многое в этой старой работе С. Н. заслуживает внимания именно теперь, когда надо устранять извращения трактовки последующих лет. Позже С. Н. в какой-то мере использовал эту свою работу в написанных им разделах об освободительном движе-

² В отличие от С. Н., Ш. М. Ленин включал написанный им совместно с участником «Петербургского совета борьбы за освобождение рабочего класса» М. А. Сельвинским раздел справочника в список своих трудов, однако в архиве у него экземпляры книги были вырезаны некоторые иностранные.

нии в Петербурге с 80-х до начала 1900-х годов в томах II и III «Очерков истории Ленинграда», вышедших в 1956—1957 гг.

Но в 1934 г. ее судьба была для историка старой школы сигналом того, что надо возвращаться к исследованиям источниковедческого или, по всяком случае, конкретно-исторического плана. Подлинно подтверждением этого оказалась более благоприятная, но тоже не до конца счастливая участь другой обобщающей работы С. Н. о внутренней политике тритима в 80-е—начале 90-х годов. Она вошла в состав подготовленного к началу 1950-х гг. тома VIII «Истории СССР», который остался на стадии макета, хотя и изданного в 1951 г. типографским способом. Перу С. Н. принадлежал раздел об этом периоде в двух изданиях университетского учебника по истории СССР. Однако все это было несколько позже. А в середине 30-х годов появились трудности для исследований и публикации документов на историко-революционную тему. Закрывались общества политкаторжан и старых большевиков, ставшие все более стандартными и казенными журналами.

А затем, когда в 1938 г. вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)» под редакцией И. В. Сталина, появилась тщательно, строго и умело сконструированная предельно политизированная концепция российской истории того времени, за пределы которой нельзя было выходить. Для укоренения постулата об исключительной роли большевистской партии осуществлялась равноосторожная политика выведения из политической истории страны всех общественных движений. Исключение составляли лишь декабристы. Понятно, что если бывшие члены партии эсеров, ионародники были сосланы или заключены в тюрьмы, история партии народнополитического крыла ставилась только неуживой для власти, но и опасной для людей, ею запылавшихся. Для С. Н. такой поворот в официальной политике в области исторической науки оказался связан с возвращением к проблематике дней его молодости. Этому способствовала и его переход на новую работу. В 1932 г. он был принят в Институт книги, документа и штемпля. Назначением этого академического института стали источниковедческие исследования. Институт не раз менял свое название, но в итоге стал Ленинградским отделением Института истории СССР АН СССР. Продолжается и работа С. Н. в университете. В 1936 г. по ходатайству Гос. Академии истории материальной культуры С. Н. была присвоена докторская степень без защиты диссертации. Но список его работ никогда не был так скуден по годам, как в 1935—1954-м.

Однако научная репутация С. Н. была устойчивой даже в те годы, когда профессиональный авторитет, казался, мало что значил. Тонкий историко-психологический анализ мемуарной литературы, содержащийся в статьях и рецензиях С. Н., привлекал внимание не только историков, но и самих мемуаристов из числа деятелей революционного движения, хотя в разговорах с учащими и коллегами С. Н. для характеристики того или иного мемуариста охотно употреблял такой бытовой, казался бы, термин, как «шестосердечность». Авторитет исследователя оказался так высок, что служил школой мемуариста, как это видно из переписки С. Н. с В. Н. Фингер, опубликованной В. Н. Гисевым. Действительно, небольшие по объему рецензии на отдельные издания мемуаров, регулярные обло-

ры документальных публикаций, как и статьи об источниковедении и архивном деле за рубежом, были так значительны в связи друг с другом, что подвигались в среде специалистов признание как способствующие поддержанию высокого профессионализма в различных областях исторических исследований. Поэтому, когда возникла необходимость в выработке правил издания трудов В. И. Ленина, составление проекта этих правил было поручено С. Н. Его проект, увидевший свет еще в 1926 г., имел выдающуюся научную ценность. Он оказал на публикаторскую и источниковедческую деятельность историков большое влияние. Что же касается издателей сочинений Ленина, действовавших под постоянным давлением политических обстоятельств, то они вынуждены были все чаще отступать от научных принципов передачи текста, а иногда идти на заведомое его искажение.

В 1933 г. С. Н. издал сборник декретов Советского правительства от Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. С тех пор до конца жизни он был активным и руководящим участником издания собрания декретов советской власти, которое до сих пор служит важнейшим источником по истории ее деятельности в ранние годы существования.

В 1934 г. С. Н. возобновляет печатание работ по древней истории России. Он даже выступил на пленуме Академии истории материальной культуры, посвященном основным проблемам генезиса и развития феодального общества, показав значение для решения этих проблем изучения древних актов. Его выступление в числе прочих было опубликовано. Однако теоретические дискуссии в ГАИМК, при том что они относились к древним историческим периодам, были настолько политизированы и сопряжены с почти обязательными обвинениями оппонентов в идеологических грехах и идеальной враждебности, что С. Н., потяже описанный (с опорой на воспоминания В. В. Мавродина) паршивую там атмосферу в статье, посвященной И. И. Смирнову, участия в этих дискуссиях избегал.

Его тяготы феодальным периодом сосредоточились на источниковедении древнерусских актов и истории изучения «Русской правды». С. Н. не арестовывался подобно многим его коллегам, денниградцам и москвичам, ставшим жертвами так называемого Академического дела и прочих таких же расправ над учеными. Однако цепь этих событий, как и драматические жизненные ситуации, в которые попадали он и другие остававшиеся на воле, оказали неутрачиваемое влияние на его жизнь, характер, тяготы. Источниковедческая и археографическая работа в области как древней, так и новой истории России, казалось, дала убежище от политических бурь, неизбежно отражавшихся на формировании общей концепции отечественной истории. Внешние жизненные обстоятельства усугубили его характерологическое пристрастие к антигическому исследовательской работе, которую он противопоставлял синтетической.

Сложность, неустойчивость положения российской науки в XX в. в полной мере отразилась и на исторической ее отрасли, которую постоянно «трясали». В Институте истории, где работал С. Н., только начал складываться сильный коллектив исследователей-источниковедов, задумавших предпринять фундаментальное издание «Русской правды» и других актовых документов Киевской и Московской

Руси, как разразилась война. Ленинград вскоре попал в кольцо блокады, и из него начали выводить предприятия, учреждения, население. Было эвакуировано и Ленинградское отделение Института истории. С. Н. вместе с институтом на три года оказался отторгнутым от города, ставшего для него родным, от рабочего кабинета с книгами, которые он собирал десятилетия. И так продолжалось до осени 1944 г., когда было разрешено возвращение в Ленинград. С. Н. возвратился одним из первых. Немедленно возобновились занятия на историческом факультете университета, и он взял чтение курса источниковедения, ведение семинаров по древнерусскому источниковедению и так называемого спецсеминара по истории рабочего и крестьянского движения XIX в. Одновременно продолжались и исследовательская работа над проблемами русского феодализма.

Жизнь, казалось, начала налаживаться. В 1948 г. С. Н. опубликовал две обращения на себя внимание (тогда редко выходили исторические сочинения) работы: книгу «Советская археография» — по истории издательских принципов и характеристик основных корпусов изданий по истории, и добовно, бережно, с шпательом написанную большую статью «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», подготовленную к отмечаемому тогда юбилею университета. И как раз в это время, для того чтобы вновь «навести порядок», власти начали очередную кампанию «борьбы против» или «борьбы с...». На этот раз с космополитизмом, и С. Н. оказался той фигурой, которая уж никак не могла избежать критики и поучений, хотя и не в самой странной форме — без «орывов». Он продолжал работу с нарастающей интенсивностью.

Значительное число важнейших источников по истории России XIX — XX вв. было издано при его руководящем участии. Научное издание «Истории Российской» В. Н. Татищева и его избранных произведений было осуществлено на основе произведенного С. Н. исследования татищевских рукописей.

До конца своей жизни, наряду с прочими работами, он продолжал заниматься двумя темами, «связанными» в 1948 г. Книгу по археографии он дополнил в последующие годы теоретическими статьями, часть которых вошла в изданную недавно сборник его избранных трудов по археографии. Его археографические принципы получают воплощение в разработанных при его участии и под его редакцией правилах издания исторических источников. Вторая, историкографическая, тема, помимо упомянутых работ, связанных с В. Н. Татищевым, была дополнена серией ярких статей о современниках и коллегах С. Н. по исследовательской деятельности. Каждая из этих статей была посвящена памяти ушедшего, но представляла собой не некролог, а очерк творческого пути одного из многолетних товарищей С. Н. Использованная при их написании широким кругом источников дополнялся его воспоминаниями. В 1950 — 1960-х гг. появился блестящий цикл его работ об изучении «Русской правды» на протяжении XVIII — XX вв.

В работах этого цикла, как и в статьях С. Н. о коллегах, отражены тонкие наблюдения над общим процессом развития русской исторической науки, сделанные за долгие годы ее выдающимся представителем. Своё влияние на развитие науки С. Н. оказал не только собственной исследовательской работой. В течение многих

десятилетиями, наряду с основной своей работой в Ленинградском отделении Института истории, он, как уже было сказано, преподавал на историческом факультете Ленинградского университета. Сотни выпускников ЛГУ прошли через его курсы и семинары, многие десятки стали его прямыми учениками. Он никогда не читал общего курса русской истории или отдельных его частей. Это делали, сменяя один другого, младшие коллеги С. Н., такие мастера общего курса, как В. В. Мавродин, С. Б. Окунов, Н. Г. Сладкович. С. Н. читал небольшие курсы источниковедения и архивного дела. Лекции его носили скорее характер бесед, лишенных какой бы то ни было педантичности, но глубоко поучительных. В них всегда были представлены самые глубокие и важные в теоретическом и практическом отношении сведения об историческом источнике и работе с ним.

Наибольшей известностью пользовались его семинарские занятия. Как и другие профессора и преподаватели, он вел просеминар на первом курсе и специализирующий семинар, в котором участвовали не только студенты разных курсов, но и окончившие университет, аспиранты и даже «остепенившиеся» его ученики. Объединяемые темой общего изучения, они составляли ученое собрание, рассматривавшее широкий круг вопросов, по преимуществу относившихся ко второй половине XIX в. С. Н. дирижировал им умело и незаметно, избегая методических указаний и тем более поучений. Однажды в стенах его лекционной аудитории появился дружеский шарж на С. Н., под которым стояли приписанные ему слова: «Как писать, Вы знать хотите? Хмм! Смотрите, и пишите!» Но замечания С. Н. по тексту, сделанные вслед за поставленными в нем едва заметными точками, были так глубоки и точны, что оказывали помощь самому неискушенному автору. А с искусственными авторами бывали такие случаи, когда они коренным образом переделывали свою работу по замечаниям С. Н., забыв на это сослаться. Впрочем, это уже выходило за рамки семинарских занятий...

Более всего он ценил просеминар на первом курсе. Только что пришедшие из средней школы студенты под его руководством изучали «Русскую правду». Они самостоятельно разбирали предложенный периль и из жизни важнейший исторический источник, поставленный руководителем как бы в равное положение с известными исследователями этого памятника. Миссис восемнадцатилетней «Марии Ивановны» (С. Н., никогда не ошибаясь, всех студентов называл по имени и отчеству, никогда не входил первым ни в одну дверь, и требовал даже от незнакомых мужчин снимать шапку в университете) рассматривалось наравне с теми точками зрения, которые были представлены и обсуждались в литературе. Это не было организованной С. Н. учебной группой. Он неоднократно подчеркивал важность и ценность непредубежденной деятельности свежего взгляда на источник, видя в бескомпромиссности носителя такого взгляда не только беду, но и неожиданно возможное преимущество.

Во многом само пребывание С. Н. в ЛОИИ и на историческом факультете ЛГУ было залогом сохранения хотя бы элементов профессионально-исследовательского подхода к изучению истории и самые тяжелые для этого времена — при всех тех отсутствиях

перед идеологическим натиском, на которые приходилось ему идти. По отношению к тексту своих работ он говорил, что готов к редакторским или цензорским изъятиям из него, но решительно возражает против вписывания чужих мыслей и соображений, кем бы они ни диктовались. Но если бы только в этом было дело...

Разумеется, С. Н., несмотря на все препятствия, удалось, как немногим из числа его коллег, послужить исторической науке и ее людям. В условиях творческой свободы и общественного признания его работа была бы иной и могла бы принести ему большее удовлетворение. Но то обстоятельство, что исследователи такого типа, как С. Н. Вацк, были естественным образом отстранены от выработки господствующей концепции исторического процесса, оказалось одной из причин идейной трагедии нашего общества.